

Инна Вернер

Лингвистические особенности перевода “латинских” книг Геннадиевской библии 1499 г.

История изучения библейского кодекса, известного в славистике как Геннадиевская библия (ГИМ, Син. № 915, далее ГБ¹) насчитывает уже более двух столетий, в течение которых сложилась немалая библиография посвященных этому тексту работ². Постоянно обновляющийся интерес к феномену ГБ обусловлен его уникальностью как в текстологическом, так и в лингвистическом отношении. В созданный в 90-е гг. XV в. при дворе новгородского архиепископа Геннадия библейский свод впервые вошли отсутствовавшие ранее в восточнославянской традиции 1-2 книги Паралипоменон, 1-4 книги Ездры, Неемии, Товит, Юдифь, книги Премудрости Соломона, 1-2 Маккавейские книги, частично Есфирь и книги Иеремии, Иезекииля. Порядок расположения библейских книг и их разделение на главы следуют латинской Вульгате. Перевод “латинской” части ГБ приписывается доминиканцу Вениамину, о котором нет почти никаких конкретных сведений, как нет и документальных источников о ходе работы над переводом Библии. Появление Вениамина в Новгороде относится ко времени не позднее 1491 г., когда с его слов Герасимом Поповкой, одним из основных сотрудников Геннадиевского кружка, была записана “память” о взятии Константинополя турками: “а сказывалъ погы веньяминъ родом словѣнянинъ а вѣроу латынянинъ” (цит. по Востоков 1842: 164). С учетом датировки рукописей Тимофея Вениаминова, предполагаемого ученика Вениамина, последний мог быть в Новгороде еще раньше, в 1489 г. (Седельников 1926: 222-225). Работа над библейскими переводами была завершена в 1493 г., о чем свидетельствует единственное указание на личность переводчика из сборника его переводов, дошедшего в копии XVI в. (РНБ, собр. Погодина 84, л. 360 об.). Сборник содержит в себе все вошедшие в ГБ переводы с Вульгаты и запись, сообщающую о переводе Маккавейских книг

¹ Далее в настоящей статье приведены примеры из книг Товит (Т), Юдифь (Ю), III книги Ездры (Е), Маккавейских книг (М) и книг Паралипоменон (П) по тексту рукописи ГИМ, Син. № 915. Латинский текст цитируется по критическому изданию: *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*, edited by R. Weber et al. Stuttgart 1983.

² Основная библиография приведена, например, в работе: Ромодановская 2004: 235-236.

“Ѡ некогѡ моужа чѣна прѣвитера пачѣ мниха обѣтели стѡго доминѣа ѣмене вѣнѣамина родѡ словенина ведоущѣа латинъскѣа ѣзыкѣ. и граматикоу вѣдоущѣа ѡчасти ѣ грече-скаго ѣзыка ѣ фрѣска” (цит. по Горский, Невоструев 1855: 128). Кроме перевода библейских книг с латыни, Вениамину принадлежит авторство текста “Слова кратка” или “Събрания от Божественнаго писания от Ветхаго и Новаго на лихонимцев”, а также, возможно, и других текстов, созданных в Геннадиевском кружке (Турилов 2005: 627-629).

С лингвистической точки зрения переводы Вениамина получили в славистике довольно скромную оценку, мотивированную недостаточным знанием латинского языка (Горский, Невоструев 1855: 48) и буквализмом перевода (Соболевский 1903: 255). Помимо оставленных без перевода латинских слов и калькированных форм, исследователями были отмечены лексические и грамматические особенности языка переводов, позволяющие предполагать сербскохорватское происхождение переводчика. К таким особенностям А.И. Соболевский относил правильное употребление аориста, имперфекта и плюсквамперфекта, специфические образования презенса 1 л. ед. на *-мъ* (*сѣтворимъ* – *faciam*; *пѣмъ* – *bibam*), смешение генитива и локатива во мн. ч., употребление беспредложного дат. падежа при глаголах движения (Соболевский 1903: 256-259). Этот список был дополнен Г. Фрайдохфом, включившим в него имперфект без морфонематических чередований (*могаше*, *могахѣ*) и аналитический императив с отрицанием (*не можи(те)* + инфинитив) (Freidhof 1972, 1984).

Эти особенности языка переводов позволили в свое время А.И.Соболевскому высказать предположение о том, что Вениамин был хорватом-глаголящем родом из приморской Далмации (Соболевский 1903: 258-259). И.Е. Евсеев предполагал существование текстологических связей ГБ с традицией хорватских глаголических миссалов и бревиариев, в которых лакуны кирилло-мефодиевского перевода были восполнены в XIII-XV вв. по тексту Вульгаты (Михайлов 1904: 120-123). Основанием для такого предположения стало наличие в бревиариях всех переведенных в ГБ с Вульгаты книг, кроме Ездры и Паралипоменаона. Недостаточная освоенность рукописной глаголической традиции не позволила в свое время И.Е. Евсееву сделать сколько-нибудь определенных выводов о ее влиянии на ГБ: он допускал как возможность появления Вениамина в Новгороде с уже готовым переводом, потребовавшим лишь незначительной редакторской правки (Евсеев 1911: 28-29), так и относительность хорватского посредства, сводившегося только к роли справочного материала при латинском оригинале (Евсеев 1914: 13)³.

³ Предположения И.Е. Евсеева об использовании при переводе ГБ хорватских бревиариев позднее были оценены критически, поскольку приводимые им общие чтения известны всей рукописной славянской традиции (Алексеев 1999). В настоящее время доступны факсимильные издания хорватских бревиариев, см.: Bakmaz, Nazor, Tandarić 1991; Pantelić, Nazor 1977.

Инославянский контекст возникновения перевода ГБ включает в себя и потенциальную западнославянскую – чешскую – составляющую, обязанную своим возникновением предположению А.И.Соболевского о том, что путь Вениамина в Новгород мог проходить через Прагу, где с 1347 г. существовал крупнейший в Европе центр глаголической письменности – Эммаусский монастырь Na Slovanech, в котором существовала славянская литургия. Хорваты-глаголяши, приглашенные Карлом IV в этот монастырь, впоследствии приняли активное участие в переложении на глаголицу чешской Библии, Пассионала и Коместора. Позднее это предположение А.И. Соболевского стало основанием для привлечения в качестве славянского источника ГБ первопечатной чешской Библии 1488 г. (Freidhof 1972, Копреева 1982), не подтвержденного текстологически.

Современное состояние изучения рукописного наследия Геннадиевского кружка не позволяет сделать однозначный вывод о национальной принадлежности Вениамина к западным или южным славянам⁴. Открытым остается вопрос и о латинском оригинале перевода Вениамина. На основании текстологических данных было высказано предположение о том, что таким оригиналом могла быть “*Biblia cum postillis Nicolai de Lyra*” в нюрнбергском издании Антона Кобергера 1485 г. (Ромодановская 1999: 195-196) или 1487 г. (Wimmer 1975: 444-458). Толкования Николая де Лиры, содержащиеся в этих изданиях, послужили основой энциклопедических глосс в ГБ. Другими латинскими источниками маргинальных толкований в ГБ стали “*Mammotrectus super Bibliam*” Иоганна Мархесина и “*Vocabularius brevilocus*” Иоганна Рейхлина (Ромодановская 2001). Однако возможность перевода “латинской” части ГБ с какого-либо издания толковой Библии Антона Кобергера уже была поставлена под сомнение одним из авторов этого предположения. Основанием для такого сомнения послужило совпадение системы маргинальных отсылок в новозаветном тексте ГБ с текстом базельского издания Библии без толкований Иоганна Амербаха 1479 г. (Ромодановская 2008: 206). Как справедливо замечает автор, церковнославянский перевод с латинской Библии без толкований кажется более логичной и менее трудоемкой задачей, чем использование текста с толкованиями⁵.

⁴ Успешно занимающаяся проблематикой бытования и атрибуции переводов Геннадиевского кружка В.А. Ромодановская в работе, посвященной церковнославянскому переводу трактата “*De ira Dei*” Лактанция, обосновала точку зрения о чешском происхождении его переводчика, личность которого исследовательница склонна отождествить с Вениамином (Ромодановская 2003). Некоторое количество богемизмов в тексте ГБ (Freidhof 1972: 84) а также параллелизм приемов перевода в “латинской” части ГБ с переводами чешской школы библеистики (Платонова 1997а: 150-158) также говорят в пользу предположения если не чешского происхождения, то активного владения переводчиком ГБ чешским языком.

⁵ “Бытование в Новгороде Библии с соответствующими русскому кодексу отсылками ставит под сомнение утверждение относительно того, что с Библии с толкованиями

Обращение к собственно лингвистическим данным ГБ⁶ позволяет внести некоторые уточнения в решение как вопроса об авторстве переводчика, так и проблемы латинского оригинала церковнославянского текста. Основанием для этого являются специфические грамматические формы, “ошибки”, которые в свое время вызвали негативные оценки филологической деятельности Вениамина. Интерпретация этих “ошибок” в контексте переводческой практики средневековья позволяет говорить о том, что меньшая часть из них мотивирована текстологически и связана с неверным прочтением латинского текста по причине его палеографических особенностей, а большая часть ошибок имеет специфическую лингвистическую мотивацию и обусловлена осмыслением латинских форм (прежде всего падежных) с точки зрения живой романской речи, которой владел переводчик. В отличие от окказиональных инославянских (чешских или хорватских) влияний⁷, латинские и романские формы задают определенную системность “ошибок”, которая может стать одним из определяющих моментов для идентификации латинского оригинала ГБ.

Палеографическая и орфоэпическая мотивация грамматически некорректных переводов в ГБ

Основу типологии грамматических ошибок буквального перевода составляют случаи безразличного в отношении контекста перевода омонимичных сегментов текста. Подобная омонимия может быть как фиктивной, возникающей

Николая де Лиры в издании Кобергера были переведены “латинские” книги Геннадиевской библии: перевод с Библии без толкований представляется гораздо более легкой задачей, чем освобождение текста от толкований в процессе перевода; при этом нужно учитывать и короткие сроки, в которые эта работа была проделана” (Ромодановская 2008: 206). Заметим, что версии об использовании толковых изданий А. Кобергера противоречат и отсутствие в них 3 книги Ездры, перевод которой в ГБ по своим лингвистическим характеристикам не отличается от текстов других переведенных с латыни книг (Платонова 1997а).

⁶ Лингвистическому исследованию перевода ГБ посвящены диссертации Г. Фрайдхофа (Freidhof 1972), П. Фостера (Foster 1995) и И.В. Платоновой (Платонова 1997а). В данной статье представлены основные положения последней работы, см. также: Платонова 1997б, Вернер 2001.

⁷ В исследовании Г. Фрайдхофа в церковнославянском тексте ГБ выделяются разные уровни языковой дифференции: internal (образуемый церковнославянским и русским языковыми стратами) и external (состоящий из латинского, хорватского и чешского стратов). Однако следует заметить, что многие из причисленных к кроатизмам и богемизмам форм допускают и иную интерпретацию, без привлечения южно- или западнославянских языков. Это касается, например, аналитического императива с отрицанием типа “**НЕ МОЖИ(ТЕ)** + инфинитив”, являющегося этимологическим эквивалентом латинского *poli(te)* ← *polo* ← *ne volo* (Платонова 1997а: 83), или некоторых падежных форм, оцениваемых как богемизмы (Платонова 1997а: 153-154).

из-за неверного по причине палеографических особенностей оригинала прочтения текста или из-за орфоэпических ошибок при практиковавшемся чтении текста вслух, так и действительной, имеющей отношение к совпадающим лексемам или грамматическим формам. Большая часть ошибок в ранних ц.-сл. переводах с греческого связана с фиктивными лексемными омонимами палеографического и орфоэпического происхождения; эти ошибки чрезвычайно разнообразны и непредсказуемы (Thomson 1988). Процент похожих окказиональных ошибок в ГБ ничтожно мал. В качестве примеров можно привести чтение в Ю 16,12 **оустрашиша сами крепости его** вместо **оустрашиша перси** из-за смешения латинских форм *ipsae* и **psae* (стандартный для слога *per-* способ сокращения с перечеркнутой ниже строки буквой *p*) вместо *Persae*, а также неверный перевод в Ю 4,15: **на то въ изъсчєніе** (*ad hanc igitur exhortationem*) **его помолаци га превывахъ прѣ гль**, обусловленный смешением фонетически сходных лексем *exhortatio* “ободрение, поощрение” и *exercitatio* “упражнение”.

Характерной особенностью перевода Вениамина с латыни являются прежде всего не лексические⁸, а грамматические (лексико-грамматические) ошибки, подобные следующим: Т 7,20 **крѣписѧ дшею вѣди дщи моѧ** – *forti animo esto filia mi* (ср. Т 5,13 **крѣпокъ дшею вѣди** – *forti animo esto*); Ю 4,6 **гдѣ тѣснота пѣ выти могль** – *ubi angustum iter esse poterat*; Е 3,29 **вставиши многы** – *delinquentes multos*; Т 10,13 **счаци еѧ чєствовати свєкровь. възлюбити мѧжа ... и себе сама неповиннѧ въздаси** – *monentes eam honorare soceros diligere maritum ... et se ipsam inreprehensibilem exhibere*.

Их появление носит предсказуемый и системный характер и задано омонимией грамматических форм (ср. в приведенных выше примерах: *angustum* – **тѣснота** и **тѣсныи**, *exhibere* – **въздаси** и **въздати**). Активное использование этой омонимии являлось составной частью методологии средневековой лингвистики, и это “методологическое” основание, как будет показано ниже, было весьма существенным для переводчика ГБ.

Однако прежде чем говорить о реальной омонимии латинских грамматических форм, остановимся на тех формах, которые были восприняты переводчиком как омонимы, не являясь таковыми на самом деле. Эта “фиктивная” омонимия могла быть обусловлена флективными сокращениями (супсенсиями) в латинском тексте. Библиейские инкунабулы, среди которых преобладали немецкие издания, набранные готическим шрифтом, и итальянские тексты, использовавшие ротунду, сохранили основные типы супсенсий, употреблявшиеся в рукописных латинс-

⁸ Своеобразие лексики в тексте ГБ определяется активным использованием этимологического принципа перевода, который мог реализоваться в выборе архаической церковнославянской лексики с соответствующей латыни производностью, так и в появлении неологизмов или лексем с “потенциальной” семантикой, реально свойственной лишь их латинским эквивалентам, а также в трактовке этимологических соответствий как словообразовательных и, как следствие, в калькировании (об этом см.: Платонова 1997а: 77-99).

ких текстах (Добиаш-Рождественская 1988: 188-189, Paoli 1892). Состав и характер употребления суспензий в тексте Вульгаты (восстанавливаемых по церковнославянскому переводу) может быть достаточно надежным основанием идентификации первопечатного или рукописного оригинала Вениамина.

Стандартными вариантами сокращений, присутствующими как в изданиях Антона Кобергера, так и в изданиях Иоганна Амербаха, являются сокращения поствокального конечного -m в именных и глагольных формах в виде ā, ē, ū и сокращение форм Gen. pl. на -rum и Dat.-Abl. pl. на -bus соответственно в виде **ѣ** и **бѣ** (в условной передаче). Именно эти сокращения, по-видимому, обусловили появление в ГБ следующих несоответствий падежных и числовых форм латинскому оригиналу:

- 1) Формы Dat.-Abl. plur. на -rum и -bus в случае оформления флексий одним знаком могли быть переведены Им. падежом: Е 1,11 **на вѣстоцѣ волости двѣ** – in oriente provinciarum duarum; Ю 9,13 **сѣтъ очи свои** – laqueo oculorum suorum; Ю 9,16 **смирѣнїи и кротцїи всегда твѣѣ 8годиша 8моленїе** – humilium et mansuetorum tibi semper placuit deprecatio; Е 8,24 **8ши прїими моленїе** – auribus percipe precatationem; Т, prologus **словеса латынскы распространилѣ** – sermonibus latinis⁹.
- 2) Формы Abl. plur. на -bus могли оформляться в переводе как формы ед. числа: Ю 7,22 **тѣѣ воплѣ и тѣѣмь плачѣ** – his clamoribus et his fletibus; Т 3,17 **сѣ играющїи** – cum laudentibus; Е 8,27 **сѣ волѣзїю** – cum doloribus.
- 3) Формы Acc. sing. (*ā, ē, ū) могли, напротив, соответствовать церковнославянским формам мн. числа: Е 10,24 **твоя скорби многы** – tuam multam tristitiam; Ю 1,12 **на всѣхъ земли тѣѣ** – ad omnem terram illam; Т 6,8 **малы части** – particulam; Ю 2,12 **вса запасенїа** – omnem munitioem; Ю 7,3 **по щелѣ горь** – per crepidinem montis; Е 1,34 **повелѣнїи мой не помниша** – mandatum meum; Е 4,15 **иные страны** – aliam regionem. Иногда в латинских инкунабулах используется и иной способ обозначения флексий Acc. sing.: -m пишется как -z, а флексии Acc. plur., в свою очередь, могут иметь надстрочные знаки (-a^s, -e^s, -u^s). Таким образом, появляется возможность для нейтрализации противопоставления латинских именных флексий по числу.
- 4) Сокращение -m во флексии Acc. sing. имени могло приводить к смешению этих форм с наречиями: Т 12,6 **рѣ имь таинѣ** – dixit eis occulte; Е 9,45 **почтихѣ скло крѣпко** – honorificabamus valde Fortem¹⁰.

⁹ О причинах прочтения Dat. и Abl. существительных с флексивными сокращениями в латыни именно как форм Им. п. речь идет далее в настоящей статье.

¹⁰ Еще одним свидетельством отражения суспензий в ГБ служат оставленные без перевода отдельные латинские формы в кириллической транслитерации, ср. Ю 5,15 **ан-**

Сравнение приведенных примеров с предполагаемыми латинскими оригиналами ГБ (издания Кобергера и Амербаха) показало несомненную зависимость церковнославянских форм от сокращений конечного латинского -m, однако в случае с флексиями -bus и -rum оба латинских текста не последовательны в использовании сокращений, что не дает возможности доказать их использование при переводе ГБ.

Помимо суспензий, возникновение грамматически некорректных переводов может быть связано и с особенностями прочтения текста Вениамином не по нормам литературного латинского произношения, но в соответствии с узусом живой романской ("фряжской") речи, известной переводчику. Во многих случаях влияние живого произношения совпадает с фонетическим обликом флективных сокращений в литературных текстах.

Характерными чертами живого романского произношения были синкопы конечных -m (*in patria* вм. *in patriam*) и -s (в итальянских и балкано-романских диалектах, ср. ит. *canti* и рум. *cânți*, но исп. *cantas* и фр. *chantes*) (Гурычева 1959: 36-37), различавших в аккузативе ед. и мн. число. Помимо числовых противопоставлений, раннее исчезновение -m, не оставившего в романских языках никаких следов¹¹, повлияло и на неразличение форм аккузатива и аблатива в ед. числе (-am, -em, -um / -a, -e, -u), а также наречных и именных форм (см. примеры выше). С учетом такой двойной (палеографической и фонетической) мотивации смешения форм ед. и мн. числа, оформление косвенных падежей на -rum и -bus приобретает еще большую значимость для определения латинского оригинала ГБ.

Замолкание конечного -s в живом языке способствовало также путанице в ц.-сл. переводе следующих глагольных форм:

- 1) императива и презенса во 2 лице ед. числа (-e / -es): Е 9,23 **ѡ цвѣтѣхъ полскыи и мѡкъ не вкусиши. и вина не пиши. но токмо ѡ цвѣтѣхъ възмолиши вышнѡго беспрестани** – *manduca solummodo de floribus campi, et carnem non gustabis et vinum non bibes sed solummodo flores, et deprecare Altissimum*; Т 4,6 **Всѣ же дни живота твоего въ дѡмѣ имѣши бѡ и стрѣжи да не нѣкогда грѣхъ изволиши** – *omnibus autem diebus vitae tuae Deum in mente habe et cave ne aliquando peccato consentias*; Е 1,8 **Ты ѡтразиши косѣ главы твоеѡ и мечи всѡ дѡкавал на нѣ** – *Tu autem excute comam capitis tui et proice omnia mala super illos*; Е 1,12 **Ты во глѡши к нимъ рекѡщи** – *Tu vero loquere ad eos dicens.*

нона – *annonam* (*annonā); Ю 10,18 **сателитѣ** – *satellites* (*satellite^s); М П 12,36 **съ Ѡздригѣ** – *cum Esdrin* (*Esdrī); Ю 10,5 **аскопа иже ѣ мѣшекѣхъ винныи** – *ascoram* (*ascorā); Ю 7,10 **прѣ сателитомѣхъ** – *coram satellitibus* (*satellitib^{us}); П П 35,13 **варѡхъ въ леветисѣхъ** – *in lebetibus* (*lebetib^{us}); Есфирь 16,13 **неслышаныхъ махины** – *inauditis machinis* (*machini^s).

¹¹ Согласный -m был слабым ("беглым") уже и в классической латыни: при стихосложении содержащий его слог подвергался элизи.

- 2) личных форм 2 и 3 лица ед. числа (-es,-is, -as / -et, -it, -at): Т 9,1 прошѣ да слыши слова мѡа – peto ut auscultes verba mea; Т 3,22 ни во сладитса на погубленіе наше иже по непостоянїи сътвориши – non enim delectaris.

Не будучи многочисленными в тексте ГБ, приведенные выше формы, тем не менее, могут дать определенные основания для идентификации латинского оригинала текста ГБ. Невозможно связать появление этих форм с влиянием собственно грамматики латинского языка, а не палеографии латинского текста, поэтому с определенной уверенностью можно утверждать, что этот текст должен содержать характерные типы суспензий, прежде всего для флексий -rum и -bus, соответствующих некорректным церковнославянским формам. Кроме того, не исключено отражение в этом тексте особенностей романского произношения. Последнее предположение представляется тем более вероятным, что ориентация на романский узус в грамматике является существенной чертой переводчика ГБ.

Омонимия латинских грамматических форм как “методологический” принцип переводчика ГБ

Независимые от орфографических и орфоэпических факторов случаи некорректных переводов грамматических форм в ГБ связаны, во-первых, с особенностями средневековой переводческой практики буквального и внеконтекстного перевода и, во-вторых, с особенностями грамматической выучки переводчика и его индивидуального языкового пространства. Так же, как и в рассмотренных выше примерах, системность тех ошибок, о которых пойдет речь ниже, связана с их омонимическим происхождением. Однако репетуар падежных форм, воспринимаемых переводчиком как омонимы, позволяет говорить о том, что для него была актуальной не только внутриязыковая латинская омонимия падежных и отчасти глагольных форм, но и межъязыковая омонимия форм латыни и вольгаре (“фряжского”, упоминаемого в приписке к Погодинской рукописи № 84)¹².

Случаи безразличного в отношении контекста перевода омонимичных латинских падежей были указаны еще А.В. Горским и К.И. Невоструевым, которые отмечали, что переводчик “смешивал падежи одного окончания ... или вовсе их не выдерживал” (Горский, Невоструев 1855: 49). Такое смешение омонимичных падежей при переводе ex verbo verbum являлась закономерным следствием средневекового обучения латыни, представленного в латинских грамматиках. Методическая установка предполагала заучивание парадигм на память и последующее

¹² Определение “фряжский” в XV-XVI вв. могло относиться как к итальянцам, так и вообще к романоязычным, ср. в письме архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме: “Ано фрязове по своей вере какову крепость держат! Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю!” (Казакова, Лурье 1955: 378). Ср. также в тексте Хронографа XVI в.: ВЕНЕЦІАНЕ ѿ ІННИИ ИТАЛІАНЕ, РЕКШЕ ФРАЗОВЕ (Попов 1896: 91).

соотнесение любого члена парадигмы с омонимичными формами. Славянские примеры, демонстрирующие такую практику запоминания и истолкования словоформ (і́акоже ѣсть ко ѡчителевѡ вопрошанію ѡвѣщавати), приводит Дмитрий Герасимов в своем переводе грамматики Доната: в. плода коѣ клоненіа; ѡ. рѡствена ѡи виновна і ѡрицателнаго ѣдственна мѡжеска рода ... в. плодовѣ коѣ клоненіа; ѡ. рѡно ѡи виновно ѡи ѡрицателно (Ягич 1896: 588). Для русского переводчика Доната, обучавшегося латыни в Ливонии, подобная практика была непривычной: ѡи сиа ѣво паденна во оучилищѣ ѣчнцы навикатѡ, і ѡвѣщаватѡ ѣчителю по радвомиѡ Донатѡсѡ иѡзыскивал, дѡндеже взѡмкѡ иѡзсть в дѡлго врема. ѡи сице ѡвидѣ ми са велни хитрѡ, ѡи с велни трѡдомѣ семѡ навикати (Ягич 1896: 530). Переводчик ГБ руководствуется именно таким способом опознания грамматической формы, при этом парадигматические отношения форм имеют для него зачастую большую ценность, чем их синтагматические связи.

Омонимия латинских форм Nom.-Acc. pl. имен всех родов III-IV скл. и II скл. среднего рода (Nom. = Acc. на *-es, -us, -a* или *-ia*)¹³ стала причиной появления форм Им. падежа мн. числа в позиции Вин. мн.: Ю 8,20 смирит вси ѡзыци (omnes gentes); Ю 2,14 сѡкрѡшилъ вси гради вышнїи (omnes civitates); Т 3,13 грѣси (peccata) ѡпѡстиши; Ю 16,15 заперлъ потоци (torrentes); Ю 9,5 твои сѡдїи ... поставилъ еси (tua iudicia); Ю 4,3 ѡвѣша вси верси гора (omnes vertices); Е 3,29 видѣ нечистоти (impietates); Е 16,67 сѡкрыете грѣси ваши (peccata vestra); Т 6,15 наде ѡи спсены и здравы промежъ себе спашїи (salvos et incolomes secum pariter dormientes); Е 15,20 сѡверѡ ... вси цѡри земстїи (omnes reges terrae); Е 15,62 пожрѡ тева и гради твои (civitates tuas); Ю 8,6 кроме сѡботы и неѡменїи и прѡзњицы (festa) домѡ їїлева; Е 8,26 ни рѡсмотришь людїи твої грѣси (delicta); Е 3,9 на ѡвитающїи вѣкѡ (super habitantes); Е 1,11 вси ѡзыци (omnes gentes) ѡ лица ѡи погѡбилъ.

По принципу омонимии падежей могли быть переведены и формы лат. Dat. и Abl. sing. и pl. Во мн. числе омонимия актуальна для имен всех типов скл. (формы на *-is* для I-II скл., на *-bus* для III-V скл.¹⁴, а в ед. числе – для имен III гласного (типа *marī*) и IV скл. (типа *fructu*). В переводе такие формы могли порождать взаимную мену твор. и дат. падежей¹⁵: Е 8,12 наказалъ еси его твоемѡ разѡмѡ –

¹³ Ср. указание на эту омонимию в “Донате” для III скл.: *nominativus et accusativus et vocativus plurals in es productam vel in a correptam – именоватѣное ѡи виновное ѡи зватѣное. мнѡственнїи на ѣсь прѡдѡжно ѡли на а сокращеное*, для IV скл.: *genitivus singularis et nominativus et accusativus et vocativus plurales in us productam desiunt – рѡственое ѣдственное. і именоватѣное. ѡи вннѡное ѡи зватѣное мнѡственнїи. на оус*. (Tomelleri 2002: 273, 276).

¹⁴ Ср. об этом для имен I-II скл. в “Донате”: *dativus et ablativus in is productam – датѣное. і ѡрицателное на ѣсь прѡдѡжное* (Tomelleri 2002: 264, 269), для имен III-V скл.: *dativus et ablativus in bus correptam – датѣное і ѡрицателное на ѣс. сокращенное* (Tomelleri 2002: 274, 277, 280).

¹⁵ С учетом возможного хорватского происхождения переводчика допустима и “стереоскопическая” мотивация этих церковнославянских форм: латинская омонимия

corripuisti eum tuo intellectu; Ю 4,4 **стѣкнѣ** **вбѣ**идоша **ѡ**лицѣ – *muris circumdederunt vicos*; Е 2,43 **главами** **наставляше** **вѣ**нци – *capitibus imponebat coronas*; Ю 6,6 **ты** **вкѡ**пѣ **лицѣ** **да** **пѡ**лежиши – *ipse simul ultioni subiaceas*. Эти замены, впрочем, немногочисленны, в отличие от переводов Dat. и Abl. pl. формами Им. падежа, о которых речь пойдет ниже.

Подобной внутрипарадигматической омонимией падежей, специально акцентированной в латинских грамматиках, далеко не исчерпываются примеры “ошибок” в переводе Вениамина¹⁶. Значительная часть из них связана с межпарадигматической омонимией, когда для переводчика оказывается равно возможной, например, не только омонимия Nom. = Abl. sing. (*aqua = aqua*) в пределах одной парадигмы I скл., но и “потенциальная” омонимия между формами разных парадигм: Dat./Abl. pl. II скл. (*lupis*) = Gen. sing. III согл. и гласн. скл. (*legis, maris*) = Nom. Sing. III смеш. скл. (*civis*). Такая омонимия, включающая в себя формы разных родов, чисел и типов склонений, представляла собой некий парадигматический “потенциал” словоформы. Каждое звено выстраивающейся таким образом цепочки форм могло соотноситься со значениями всех остальных звеньев. Именно так можно объяснить перевод Им. падежом латинского аблатива боль-

отчасти находила поддержку в смешении хорватских флексий Dat. и Тв. множ. в текстах конца XV - начала XVI в. (*женам* вместо *женами* и наоборот, ср. современную хорватскую унифицированную форму *женама*) (Даничић 1874: 99).

¹⁶ Кроме имен, омонимические отношения связывают и глагольные латинские формы 3 л. ед. тех глаголов, которые в перфекте и презенсе отличались лишь долготой и краткостью гласного в основе (*venit* “пришел” – *venit* “приходит”, *legit* “прочитал” – *legit* “читает” и т.д.). Эти случаи специально оговаривались в латинских грамматиках: “Sunt item aliquanta verba, quae primas syllabas temporum ratione permutant, quae subter collecta in omni praeterito perfecto vel in omni praeterito plusquamperfecto vel in uno futuro modi tantum coniunctivi producuntur, in ceteris autem modis et temporibus breviantur, ut sun haec, lego legi legeram legero, faveo favi faveram favelo, venio veni veneram venero ... etc.” (Servii Honorati de finalibus 1864: 450). Эти формы способствовали распространению в ц.-сл. переводе форм аориста с формантом **-пѣ** в 3 лице ед. ч. Они имеют иное функциональное назначение, нежели в ц.-сл. текстах: их появление обусловлено не необходимостью снятия актуальной для ц.-сл. языка омонимии форм аориста во 2-3 л. ед. (Успенский 2002: 188-189), но необходимостью обозначения омонимии латинских форм перфекта и презенса. Ц.-сл. образования на **-пѣ**, будучи воспринимаемы как контаминированные формы аориста и наст. времени, выступают у переводчика ГВ в качестве формальных эквивалентов омонимичных презенсу латинских форм перфекта: Ю 3,14 **проходѣ**щѣ **сирѣ**ю **с**овалѣ **и** **в**сю **аппанѣ**ю **в**сѣ **м**есопотамѣю **прѣ**идѣ (venit) **кѣ** **ѣ**дѣ **м**еѡ **в** **з**емлю **га**ваѡ **с**кѡ **п**онмелѣ **ж**е **г**рады **ѣ**; Ю 16,22 **и** **в**ѣ **п**о **с**ѣ **в**есь **п**олкѣ **п**о **в**доленѣ **прѣ**идетѣ (venit) **вѣ** **ѣ**рланиѣ; Ю 13,22 **в**лѣ **в**илѣ **тѣ** **г**дѣ **в** **с**илѣ **с**воен **п**аже **з**а **тѣ** **н**аничѣ **ѣ** **з**вѣ **д**ѣ (redegit) **в**рагы **н**ашѣ; Ю 16,5 **прѣ**идетѣ (venit) **а**сѣ **р**ѣ **ѡ** **г**орѣ **с**ѣ **в**ѣ **р**а **вѣ** **л**ножестѣ **вѣ** **к**рѣ **п**ности **с**воѣ; Ю 8,3 **прѣ**идѣ (venit) **з**нон **на** **г**лавѣ **ѣ**го **и** **ѡ**мерѣ **ѣ**; Е 4,48 **и** **с**талѣ **и** **в**идѣ **лѣ** **и** **с**ѣ **п**ещѣ **г**орѣ **ѡ**ца **пр**ондетѣ (transiit) **прѣ** **л**ною; Е 4,49 **п**о **с**ѣ **пр**ондетѣ (transiit) **прѣ** **л**ною **в**блѣ **кѣ** **п**олнѣ **в**оды.

шинства типов склонений, в которых отсутствовала реальная омонимия (Nom. ≠ Abl. sing.), но для которых существовала “перекрестная” аналогия типа Nom. terra = Abl. flagella, Nom. sermo = Abl. verbo, Nom. mare = Abl. luce: Е 7,139 **очищені** **ѣ** слово **ѣ** (verbo eius); Ю 4,8 **И** **възвѣ** **вѣ** полкъ къ **гѣ** **настоаніе** **велико** (instantia magna); Ю 8,27 **мнѣши** ... **сѣ** та **мѣченіа** **менши** **быти** **вичь** **гнѣ** (flagella); Т 6,22 **любовь** (amore) **снѡвѡ** **наипаче** **неже** **вѣдѣнъ** **ведѣнъ**; Е 7,32 **прѣ** **иже** **на** **нѣ** **молчаніе** (silentio) **вѣтаетъ**; Т 6,1 **превыль** **первое** **вѣтаніе** **вѣ** **рѣки** **тигры** (prima mansione); Е 5,7 **дасть** **гѣ** **ночь** (noctu); Т 3,25 **едино** **время** (uno tempore) **сѣтъ** **мѣтвы** **прѣ** **гѣ** **прочтены**; Т 5,4 **иже** **идѣ** **с** **товою** **спсена** **мзда** **его** (salva mercede sua); Т 10,3 **того** **ради** **иже** **днѣ** **вѣтавленъ** (die statuto) **не** **вѣрати** **снѣ** **нѣ** **к** **нѣ**; Т 1,5 **сѣи** **единъ** **вѣжаше** **сѣ** **дрѣженіе** **всѣмъ** (consortia omnium); Т 10,10 **тѡи** **ѣ** **ни** **единъ** **вещь** (nulla ratione) **хотѣлъ** **слышати**. Как видно из приведенных примеров, аблатив в составе абсолютной конструкции также может переводиться Им. падежом.

Такая же потенциальная омонимия Gen. sing. III согласного склонения (tempus, temporis) и Nom. Sing. III смешанного склонения (civis, civis) могла обусловить появление Им. падежа вместо генетива в следующих случаях: Т 13,7 **в** **земли** **плѣненіе** **мое** – in terra captivitatis meae; Е 6,44 **плод** **множество** **везнѣрно** – fructus multitudinis inmensus; Т 8,19 **жрътвѣ** **хваленіа** **твоего** **и** **его** **здравіе** **принести** – sacrificium tibi laudis tuae et suae sanitatis offerre; Т 1,15 **вченіе** **спсеніе** **даше** **нѣ** – monita salutis dabat eis; Е 7,127 **тѡ** **ѣ** **помышленіе** **подвиженіе** – hoc est cogitamentum certainis; Е 3,22 **с** **лѣквѣство** **корень** – cum malignitate radicis; Ю 8,24 **в** **поношеніе** **роптаніе** **свое** **пронесли** **противъ** **гѣ** – inproperium murmurationis suae contra Dominum protulerunt; Е 13,10 **дохновеніе** **огнь** **и** **дхъ** **пламы** – fructus ignis et spiritus flammae; Т, prologus **дивити** **не** **престанѣ** **въспрошеніе** **вашего** **настоаніа** – exactionis vestrae instantiam.

Такое истолкование ошибок в переводе ГБ отчасти имеет право на существование, несмотря на то, что методология латинских грамматик предусматривала заучивание неоднозначных соответствий “флексия – падежи” только в рамках отдельных парадигм¹⁷. Процедура определения типа склонения по флексии Ablativi singularis, сформулированная еще Варроном и используемая грамматиками для формулировки порождения форм косвенных падежей, была доступна и имела смысл лишь для владеющих латынью в качестве родного языка (именно на такую аудиторию были ориентированы классические латинские грамматик). Для всех остальных омонимический принцип de facto мог восприниматься как универсальный мнемотехнический прием, при переводе реализовавшийся в том, что “избыточные” грамматические воспоминания переводчика оказывались содержанием его понимания падежных форм. Принцип сегментации текста при

¹⁷ В “Донате” узаконены омонимические перечисления между парадигмами ед. и мн. числа одного типа склонения, ср., например: Que est agnitio secunde declinationis? Hec est: cuius genitivus singularis et nominativus et vocativus plurales in i productam desinunt (Tomelleri 2002: 267).

буквальном переводе способствовал применению омонимической процедуры опознания словоформы к связному тексту точно так же, как и к внеконтекстным примерам из учебника латыни.

Однако помимо того, что это истолкование вынуждает признать некоторое несовершенство владения Вениамином латынью, оно еще и не в состоянии объяснить ряд других примеров грамматически некорректных переводов, для которых не находится даже “потенциальной” межпарадигматической омонимии в латыни, а также тот факт, что при подобных смешениях падежных форм Им. падеж обнаруживает явную тенденцию стать падежным инвариантом. Единственной приемлемой интерпретацией этого, исходящей из презумпции высокой филологической компетенции переводчика ГБ, может быть осмысление им латинских падежных форм в “вульгарной” проекции, с точки зрения разговорного “фряжского” языка, известного Вениамину. К таким случаям следует отнести переводы форм латинского Acc. pl. на -os, которому соответствует Им. мн., Dat./Abl. pl. на -is, которым соответствует Им. мн. Переводы Gen. sing. на -is и Abl. sing. формами Им. ед., приведенные выше, также имеют романские соответствия. Кроме характерных падежных форм, влияние вольгаре отражают также местоименные и глагольные формы.

Отражение романского грамматического узуса в церковнославянском переводе ГБ

Романская падежная парадигма претерпела значительное сокращение числа своих мест (до одного в итальянском и иберо-романских, двух в галло-романских и трех в балкано-романских языках), которому предшествовала унификация вариантов падежных окончаний и аналогическое уравнивание флексий разных типов склонений (Алисова 1987: 203-207). Им. падеж, в переводе Вениамина зачастую выступающий в качестве унифицированной падежной формы, является аналогом нового номинатива *volgare*, замещающего собой в ед. числе старый аккузатив и аблатив, а во мн. числе – формы аккузатива, датива и аблатива. Вследствие сокращения падежной парадигмы в вольгаре в переводе Вениамина присутствует значительно редуцированная ц-сл парадигма, для которой характерными являются следующие случаи омонимии и смешения падежных форм.

Им. мн. – Acc. Plur. Латинская парадигма мн. числа содержит омонимичные формы Nom. = Acc. pl. имен всех родов III-IV скл. и II скл. среднего рода (Nom. = Acc. pl. на -es, -a или -ia), в живом языке не различавшиеся и ставшие образцом для обобщения этих падежей и у существительных старого II скл. Последние в классической латыни представляли собой исключение в парадигме множ. числа, поскольку только у них не совпадали окончания Nom. (*lupri*) и Acc. (*lupos*). Диалекты живого языка в качестве обобщенной формы прямого падежа зафиксировали одну из этих флексий (Nom. = Acc. pl. *lupri* или *lupos*). Исконная форма аккузатива сохранилась в испанском и сардинском языках, где существительные старого II

скл. в Nom. pl. оканчиваются на -os: años (исп.), annos (сард.). Подобная ситуация должна была иметь место и в варианте *volgare*, известном Вениамину, что и дало ему основания для употребления им. падежа вместо винительного не только в соответствии с общими для латыни и *volgare* омонимичными формами на -es, -a или -ia (см. примеры выше), но и старыми формами аккузатива на -as¹⁸, в вульгарной проекции воспринимавшимися переводчиком как новый номинатив имен м. р. П скл.: Ю 7,10 поставилъ по вкрѣтъ сотници (centenarios); Ю 3,1 послаша легати свои (legatos suos); Ю 16,14 тако втроци вѣжаши (pueros fugientes) заклаша ихъ; Е 3,30 съдержалъ еси врази твои (inimicos tuos); Т 9,11 ѻзрите сны ваша и сны снвѣ вашѣ (filios vestros et filios filiorum vestrorum); Е 2,8 съкрыеши беззаконници (iniquos); Е 2,32 вкони рожены твои (natos tuos); Ю 2,13 пленилъ же вси сны Фарсисъ (omnes filios); Е 2,31 сны твои спации паматви (filios tuos dormientes); Е 1,32 азъ послалъ втроци мои пророковъ к вам (pueros meos prophetas).

Им. мн. – Dat.-Abl. pl. Перевод Вениамина отразил и еще одну возможность оформления Nom. pl. в *volgare* – с флексией -is, свойственной именам нового третьего склонения (Бурсье 1952: 193-194, Корлэтяну 1974: 171). Существование в живом языке таких форм¹⁹ (они были распространены не только в Италии, но и в Восточной Романии) позволило Вениамину перевести Им. падежом Dat.-Abl. pl. в следующих случаях: Т 8,12 сдчиса емѡ иже и прочіи инѣи сѣмъ мѡжѣи – *evenirit ei quod et ceteris illis septem viris*; Е 1,5 да възвѣстатъ сны снвѣ – *ut nuntient filiis filiorum*; М I 12,14 не хотѣхомъ оубо ва дождни быти ни прочіи дрѡзи и прѣатели наши – *noluimus ergo vobis molesti esse neque ceteris sociis et amicis nostris*; Ю 5,22 истреблени ѣѡ полченѣа – *exterminati sunt proeliis*; Т 2,23 сѣ и ины такы словеса поношаше емоу – *his et aliis huiusmodi verbis exprobrabat ei*; Е 7,122 стропотны пѡти ходихомъ – *pessimis viis ambulavimus*; Т 14,14 с женою своею и сны и снвѣ снвѣ – *cum uxore sua et filiis et filiorum filiis*. Такой вариант перевода Dat.-Abl. pl. встречается чаще, чем смешение этих падежей между собой вне влияния *volgare* (см. об этом выше).

В единственном числе парадигма *volgare*, на которую ориентировался Вениамин, представлена тремя формами: генитивно-дативной, аккузативно-аблативной и номинативной, причем две последние часто уже не различаются между собой. Следствием этого в переводе ГВ стала эквивалентность дат. и род. падежей, смешение вин. и твор. и расширение функций им. падежа как инвариантной формы в ед. числе.

¹⁸ В живом романском произношении [o] мог звучать как закрытый [u] (annus вместо annos) (Сергиевский 1954: 132), вследствие чего и с т.з. латинской системы для имен П скл. становилась актуальной потенциальная омонимия Nom.=Acc. pl. (Acc. pl. *annus → Acc.=Nom. pl. fructus).

¹⁹ Форма Nom. pl. на -is по происхождению связана с архаическими латинскими флексиями Acc. на -eis или -is имен с основой на -i (civeis или civis).

Эквивалентность Дат. и Род. Ц.-сл. флексии дат. и род. падежей у Вениамина функционально тождественны и выступают как варианты реализации одного “дательного-родительного” падежа. Взаимозаменяемость этих форм присутствует прежде всего в приименных поссессивных конструкциях. Выбор одного из вариантов (дат. приименной, род. приименной или его синтаксический эквивалент, занимающий то же место в ц.-сл. парадигме, – притяжательное прилагательное) не ориентирован однозначно ни на форму латинского текста, ни на синтагматические правила распределения, существующие для этих форм в ц.-сл. текстах. Все три варианта являются равноценными, взаимозаменяемыми и согласуемыми друг с другом: Ю 13,6 **дѣло рѣканиъ монинъ** – opera manuum mearum; Т 3,3 **безаконїа моѧ или родѧ моѧмѧ** – delicta mea vel parentum meorum; Ю 14,15 **домѧ црѣвѣ навѡдонасоровѣ** – in domo regis Nabuchodonosor; Ю 1,1 **црѣ медїанѡ** – rex Medorum; Ю 1,5 **црѣ асирїискїи** – rex Assyriorum; Е 11,11 **въ видѣнїи данила брата твоего** – in visu Daniehelō fratri tuo и т.д.

Подобное безразличное употребление датива и генетива не было свойственно латыни: хотя латинская грамматика и толковала эти падежи как смежные в силу сходства некоторых флексий и возможности порождения датива из генетива, она же предписывала дополнительное распределение этих падежей, согласно которому датив употреблялся при отлагольных образованиях: “Possessum debes sociare genusque dativo cum verbo, per quod substantia significatur. sicque relativae voces hunc saepe gubernant. his contrarietas societur proximitasque: isti dissimilis, vicinus sive propinquus, in bilis aut in dus verbalia iungis eisdem” (Reichling 1893: 78).

Различная сочетаемость была свойственна и ц.-сл. приименным падежам (Večerka 1957); кроме того, конкуренция род. и дат. падежей не ограничивается в ГБ, в отличие от текстов южнославянского происхождения, примерами их приименного поссессивного употребления и охватывает все остальные случаи, ср.: Ю 11,15 **іако овцы иже нѣ пастыра** – sicut oves quibus non est pastor; Е 3,10 **іако адамѧ смрети іако тѣ потопъ** – sicut Adae mors sic et his diluvium; Ю 15,2 **зїти тцяхъса евреѡ** – evadere festinabant Hebraeos; Е 15,24 **горе ѡ** – vae eis; Е 4,6 **кто роженѡ** – quis natorum; Е 8,62 **не всеѣ показухъ токмо тебѣ и тебѣ таковы малы** – non omnibus demonstravi nisi tibi et tibi similibus paucis; Ю 5,1 **гора пѣтїе запроша** – montium itinera concluissent; Ю 16,26 **вѣ пакы сїлы чїстость сложена** – erat etiam virtuti castitatis adiuncta; Ю 3,9 **всеѣ градоѡ обїтающїи началници** – universarum urbium habitatores principes. В случаях совпадения лат. Dat. и Abl. Род. падеж может стоять и на месте аблатива: Е 13,37 **мѣченїа которы начинѣть мѣчїти** – cruciamenta quibus incipient cruciari; Т 1,16 **ѡ сїхъ которы чествованъ въ ѡ црѡ** – ex his quibus honoratus fuerat a rege.

Универсальная взаимозаменяемость генетива и датива обусловила и такую характерную черту падежных отношений в тексте ГБ, как появление Дат. падежа в качестве прямого дополнения вместо ожидаемого Вин. = Род.: Е 1,30 **вѣ събралъ** – ita vos collegi; Е 6,50 **прїати ѡ** – capere ea; Е 1,36 **пророко не видѣша** –

prophetas non viderunt; Е 1,21 ХАНАНЕЕ и ФЕРЕЗЕИ и ФИЛИСТИИ ѿ лица вашего ѿметалъ – Chananeos et Ferezeos et Philistheos a facie vestra proieci; Е 4,18 КОТОРЫ НАЧНЕШИ ВПРАВДАТИ или КОТОРЫ СЪДИТИ – quem incipiebas iustificare aut quem condemnare; Ю 10,6 ВЪРЪТЮША ЖДЪЩЕ ВЪЗІА и ПРЕЗВИТЕРО ГРЪДСКЫ – invenerunt expectantem Oziam et presbyteros civitatis.

Неразличение род. и дат. в ц.-сл. тексте обусловлено совпадением этих форм в романских диалектах, среди которых только балканские (фрако-дакийский и даалматинский) сохранили этот новый дат. падеж (остальные знали двучленное противопоставление номинатива и косвенного падежа) (Алисова 1987: 207-208). Скорее всего, именно эта диалектная разновидность вольгаре была известна Вениамину.

Смещение Вин. и Твор. ед. Новый вульгарный *casus obliquus* совместил в себе старый Abl. (-a, -o, -e, -i) и Acc. (-am, -um, -em), совпавшие после утраты конечного -m в ед. числе имен всех склонений. Как следствие этого в ц.-сл. тексте представлена ситуация незначимого выбора между формами Вин. и Твор. (Мест.) падежей, аналогичная употреблению Acc. и Abl. в текстах на средневековой латыни (Сергиевский 1954: 110). Дополнительным основанием для трактовки аккузативных форм Вульгаты как аблативных могла стать и стандартная манера сокращения конечных сонорных (-am → -ā, -em → -ē, -um → -ū). Подобная вариативность, когда аккузативу может соответствовать Твор., а аблативу Вин., присутствует прежде всего в беспредложных приглагольных позициях: Е 7,134 ТАКО ТЕРПЕНІЕ ПОДАЕ – quoniam longanimitatem praestat; Е 4,15 ПОМЫСЛИША ПОМЫШАЕНІЕМЪ – cogitaverunt cogitationem; Т, prologus СЪТВОРИЛЪ ПОЛНО ЖЕЛАНІЕ ВАШЕ НИ ВО МОЕ ВЪСНЕНІЕ – feci satis desiderio vestro, non tamen meo studio; Е 15,49 ВЪШЛЮ ТЕБѢ ВЪКАВАМ ВЪДОВЪСТВО ... и ГЛАДО и ЛЕЧЕ и ГЪВНТЕЛЪСТВО – inmittam tibi mala, viduitatem ... et famem et gladium et pestem; Т 8,9 НЕ ВЪЛЪСТВО ПРО ... НО ЕДИНЪ ПОСЛѢДНЮЮ ЛЮБОВЬ – non luxuria causa sed sola posteritatis dilectione; Т 13,13 СВѢ ПРЕСВѢТЛЫЙ ПРОСВѢТИШИ – luce splendida fulgebis; Ю, prologus ХАЛДЕИСКА ВО СЛОВЕСА ПРЕПИСАНА – chaldeo tamen sermone conscriptus. В случаях орфоэпического или орфографического исчезновения конечного -s у имен в Nom. sing. или Nom.-Acc. pl. и они могут быть восприняты как Abl. sing.: Е 15,6 ПРЕСКВЕРНИЛЪ БЕЗАКОНІЕ ВСЮ ЗЕМЛЮ – superpolluit iniquitas omnem terram; Ю 5,9 ВГДА ЖЕ ПОКРЫША ВСЮ ЗЕМЛЮ ГЛАДО – cumque cooperuisset omnem terram fames; Е 3,19 ПРЕИДЕ СЛАВА ТВОА ВРАТА ЧЕТВЕРЫ ОГНЕНЬ и ЗЕМНЫ ТРОСЕНІЕ и ДЪ ХОМЬ и ЛЕДО – transiit gloria tua portas quattuor, ignis et terraemotus et spiritus et gelu.

Путаница Acc. и Abl. в вольгаре имела место и после предлога in, допускавшего после себя, в отличие от большинства предлогов, оба падежа, различавшихся в классической латыни по значению места (Abl.) и направления (Acc.). Текст Вульгаты не во всех случаях выдерживает нормативное распределение; перевод Вениамина в этом отношении еще более свободен и фиксирует ситуацию незначимого выбора между синонимичными формами, свойственную разговорному

узусу: Е 10,3 прїидѣ ... на тѣ полѣ (in hoc campo); Е 6,58 преданы есмь въ рѣкахъ ѿ (in manibus eorum); Ю 8,34 иди в миръ (vade in pace); Е 16,6 лва алчюща въ лѣсѣ (in silva); Т 14,12 погревете ... въ единъ гробъ (in uno sepulchro); Е 7,7 въ пропасть поставленъ (in praecipiti); Е 3,34 иже обвитаю въ вѣкъ (in saeculo); Т 14,16 въ блгн живѣ и въ стѣблмъ житїи превылъ (in bona vita et sancta conversatione); Е 5,15 поставилъ мѧ на ногѧ (super pedes); Ю 16,8 юдитъ дщи мерари въ вкразъ лица своего (in specie faciei suae) разорила его; Ю 8,17 съскорвлено ѣ сѣце наше въ гордыню ѿ (in superbia eorum).

Аналогичное смешение значений места и направления отразилось и в путанице наречных форм *ibi / que* → *где / куда*; *illic / illuc* → *там / туда*, *hic / huc* → *здесь / сюда* (Бурсье 1952: 99): Е 13,3 гдѣ лице свое вкращаше – *ubi* vultum suum convertebat; Т 5,2 пѣтъ по которомѣ идѣса тѣ – *via* qua pergatur *illuc*; Т 11,5 гдѣ рѣсмотрити могаше – *unde* respicere poterat; Е 3,29 прїидѣ тѣ – *venissem huc*; Т 14,7 тѣ же вкратѣса – *ibique* revertentur; Ю 5,16 гдѣколи вышли тѣ – *ubicumque* ingressi sunt; Ю 10,11 вкдѣ прїидеши или гдѣ идеши – *unde* *venis* aut *quo vadis*; Т 1,14 гдѣколи хощѣ итти – *quoquamque* vellet ire.

Косвенный (аккузативно-аблативный) падеж вольгаре послужил образцом для обобщенных вульгарных форм Nom. = Acc. = Abl. в ед. числе. Неразличением номинативных и аккузативно-аблативных форм в вольгаре можно объяснить и появление в ц.-сл. переводе Им. падежа вместо Твор. или другого косвенного падежа, соответствующего латинскому аблативу. Поэтому приведенные выше примеры таких переводов имеют и романскую мотивацию (помимо уже отмеченной потенциальной межпарадигматической омонимии). Такая же двойная мотивация актуальна и для форм Им. п., соответствующих латинскому Gen. sing. Эти замены с точки зрения переводчика могли быть оправданы как свойственной латинским формам омонимией Gen. и Nom. sing. в случае смешения III согласного и гласного склонений, так и обобщением романских форм датива и генетива у имен III скл. с флексией *-is* (до утраты конечного *-s*), совпадавшей с Nom. sing. у существительных типа *cani(s)*, *vulpi(s)*.

Таким образом, ц.-сл. парадигма у Вениамина включает один падеж вместо Род. и Дат., флексии которых становятся равнозначными вариантами; формы именительного могут выступать в качестве допустимых вариантов практически всех остальных падежей.

Ц.-сл. язык перевода ГВ обязан морфологической системе *volgare* не только спецификой падежных отношений, но и сокращением в объеме категории рода. Свойственный всем романским языкам процесс утраты среднего рода, позднее приведший к его полному исчезновению, нашел свое отражение в ГВ в особенностях оформления относительного местоимения *иже* и родовой принадлежности отдельных ц.-сл. имен.

Относительные местоимения, будучи специфически книжными формами и не отличаясь строго нормированным употреблением в ц.-сл. текстах, тем

не менее в переводных памятниках имели грамматическую “поддержку” в виде соотносимых с ними изменяемых форм греческого артикля δ , η , $\tau\delta$. Латинская парадигма местоимения *qui, quae, quod* также представлена различающимися, по крайней мере, в Nom. и Acc. обоих чисел формами, которым, однако, нет полного соответствия в переводе Вениамина. Текст ГБ знает только местоимения **ИЖЕ** и **ТАЖЕ**, употребление которых совпадает с редуцированным вариантом вольгаре, где полностью отсутствует местоимение среднего рода, а флексии муж. и жен. рода совпадают, за исключением Nom. sing. (*qui, quae* или *qui/quae*) и Acc. pl. (*quos* или *quas*) (Корлэтяну 1974: 186): Т 2,17 животъ той чаѣ **ИЖЕ** бѣ дастъ (*quam*); Ю 1,6 в полѣ велицѣ **ИЖЕ** именуется рагавъ (*qui*); Е 12,37 въ книгѣ **ИЖЕ** видѣль еси (*quae*); Ю 3,13 ѿ тѣхъ роженіи **ИЖЕ** могли (*quae*); Е 11,6 ѿ твари **ИЖЕ** ѣ на земли (*quae*); Т 5,27 вса **ИЖЕ** окрѣтъ его носатса (*quae*); Ю 6,5 вѣдость **ИЖЕ** въразъ твои въздержитъ (*qui*); Т 8,20 ровъ земли **ИЖЕ** сътворилъ (*quam*); Ю 5,22 ѿ пѣти **ИЖЕ** въздаль тѣ бѣ (*quam*); Е 4,42 та тѣнитса **ИЖЕ** родї (*quae*); Т 2,6 помнащи словеса **ИЖЕ** рече (*quem*).

Помимо местоимений, утрата ср. рода характерна и для некоторых ц.-сл. имен, оформляемых Вениамином как *feminina*, ср.: Т 4,12 **ВѢННОВЕНІА** велика вѣдетъ – *fiducia magna erit*; Е 6,7 **КОТОРАА** вѣдѣ раздѣченіа времянь – *quae erit separatio temporum*; Ю 3,3 **ВСАКА** въздержаніа – *omnisque possessio*; Ю 11,21 **БЛА** ѣ **ВѢЩА** нїа твоя – *bona est promissio tua*; Т6,12 **ТВѢ** имаетса **ВСА** ианїнїа ея – *tibi debetur omnis substantia eius*; Ю 10,4 **ТАКО** **ВСА** та сложенїа – *quoniam omnis ista compositio*; Е 9,3 **ШЗРА** въ вѣцѣ гыванїа мѣсто и людѣ смѣщенїе – *motio locorum et populorum turbatio*; Е 12,16; Е 12,20; Е 13,53 **СІА** ѣ **ТОЛКОВАНІА** – *haec est interpretatio* (Е 12,18; Е 12,23 **СІЕ** ѣ **ТОЛКОВАНІЕ** – *haec est interpretatio*); Е 6,19 **ВѢДЖЕНА** вѣдѣ **СМІРЕНІА** сїонъ – *humilitas*; Ю 5,24 **АЩЕ** ѣ **НѢКОТОРАА** **ВЕЗАКОНІА** – *si est aliqua iniquitas*; Т 2,22 **СЪТВОРЕНА** бѣ **ШПОВАНІА** твоя – *facta est spes tua*; Е 7,120 **ПРѢРЧЕНА** ѣ **НАМЪ** **ВѢЧНАА** **ШПОВАНІА** – *praedicta est nobis perennis spes*.

Характерно, что флексии ж. рода получают отвлеченные существительные с суффиксом *-nij-*, чаще всего соответствующие лат. именам ж. рода на *-tio*. Эта ситуация вряд ли может быть связана с тривиальным переносом латинской родовой принадлежности на ц.-сл.: никакие другие имена в переводе Вениамина не испытывают подобного влияния (и не должны испытывать, согласно “общему месту” средневековых европейских и славянских рассуждений о переводе, демонстрирующих различия формального устройства языков именно на примере конвенциональности рода). Тот факт, что слабым звеном славянской родовой корреляции у Вениамина стали имена среднего рода, может быть обусловлен аналогией с двучленным итальянским противопоставлением; регулярность появления таких форм и их зависимость от словообразовательной модели, по-видимому, может быть мотивирована не только романскими, но и славянскими соответствиями. Во-первых, хорватский язык наряду с собирательными и отглагольными существительными ср. рода (*камень, владать, певать*) знает и отвлеченные имена ж. рода с

тем же суффиксом (*воляжа, шетья*). Во-вторых, переводу Вениамина свойственна постоянная небрежность в передаче числового противопоставления имен (с одной стороны, из-за орфографических сокращений латинских флексий, с другой, вероятно, не без влияния вольгаре), вследствие чего ц.-сл. формы ср. рода мн. числа могли выступать для переводчика сильным вариантом флексий среднего рода.

Устройство глагольной парадигмы прошедшего времени в ГБ в значительной мере обусловлено особым статусом отложительных и полуотложительных глаголов в вольгаре и трансформацией временной парадигмы пассива. Бывшие формы перфекта типа *amatus est*, плюсквамперфекта типа *amatus erat* и типа *amatus fuit* в романских языках были осмыслены как презенс, имперфект и плюсквамперфект соответственно и образовали новую парадигму аналитического пассива, вытеснившую затем старые синтетические образования типа *amatur*. Исконные значения прошедшего времени сохраняли в вольгаре лишь парафразы от отложительных глаголов (*secutus est*) (Бурсье 1952: 224-225, Алисова 1987: 251-252), ставшие, в свою очередь, образцами для новых аналитических форм актива.

Все латинские парафразы в ГБ, за исключением форм от отложительных глаголов, переведены в соответствии с их новым значением в вольгаре²⁰. Старое залоговое и временное значение имеют лишь ц.-сл. глагольные формы, соответствующие латинским отложительным, обособленным в вульгарном узусе в качестве архаизмов.

Особое положение *verba deponentia* в вольгаре нашло свое выражение в том, что в церковнославянском тексте только подобные образования допускали вариативный перевод перфектных пассивных форм. Наряду с конструкцией “страд. причастие пр. вр. + связка”, единственно возможной для неотложительных глаголов, здесь появляются формы аориста (имперфекта) или л-формы со связкой: 1) Т 1,25 **вбращенъ ѿ** – *reversus est*; Ю 6,9 **вбратиша ѿ** – *reversi sunt*; Е 9,39 **вбратихсѧ** – *conversus sum*; Е 11,31 **вбращена ѿ** – *conversum est*; Ю 15,8 **вбращени сѣтъ** – *reversi sunt*; 2) Е 3,21 **рожени сѣтъ** – *nati sunt*; Е 3,7 **родишѧ** – *natae sunt*; 3) Е 8,2 **ѡмре**; Е 8,3 **ѡмерлъ ѿ**; Т 10,2 **мртвѣ ѿ** – *mortuus est*; Е 12,45 **ѡмрошѧ** – *mortui sunt*; Т 6,14 и Е 13,24 **мртви ѿ** – *mortui sunt*; 4) Ю 11,17 **гнѣвенъ ѿ** – *iratus est*; Ю 5,26 **рагаришѧ** – *irati sunt*; 5) Е 7,121 **жили есмь**; Е 7,124 **пожихом** – *conversati sumus*; Е 7,122 **пожишѧ** – *conversati sunt*; 6) Е 7,18 **пострадашѧ** – *passi sunt*; Т 4,4 **терпѣла ѿ** – *passa sit*; Е 10,22 **терпѣли сѣтъ** – *passi sunt*; Е 10,22 **терпѣшѧ** – *passae sunt*; 7) Т 9,8 **входенъ бы** – *ingressus esset*; Ю 9,1 **въшла ѿ** – *ingressa est*; Т 6,1; Ю 5,16 **въшли сѣтъ** – *ingressi sunt*; П I 19,15 **внидоша сѣтъ** (sic) **градѣ** – *ingressi sunt civitatem*; 8) Е 14,17; 4,13 **идѣ** – *profectus sum*; Е 14,37 **идохѡ** – *profecti sumus*; Т 6,1 **идаше** – *profectus est*; Ю 2,11

²⁰ Регулярность и последовательность оформления нового синтетического пассива в ГБ коррелирует с выбором сторонниками *volgare* в итальянских дискуссиях XV в. о его достоинстве именно этих форм для демонстрации его отличия от латыни (Hall 1942: 43).

ИЗЫДЕ – profectus est; Ю 10,5 **зашла ѿ** – profecta est; Ю 6,8 **идоша** – profecti sunt; Е 9,26 **идѡ** – profectus sum; 9) Е 7,130 **глаголь есмь** – locutus sum; Е 9,4 **бы гланъ** – erat locutus; Т 7,9 **глаголи сѡтъ** – locuti sunt; Ю 8,28 **глагола еси** – locuta es; 10) Ю 5,15 **изъслѣдовани сѡтъ** – consecuti sunt; Ю 8,18 **не есмь слѣдовали** – non sumus secuti; Ю 15,3 **въслѣдоваша** – secuti sunt; Ю 15,6 **погонили сѡтъ** – persecuti sunt.

Таким образом, ц.-сл. переводы фиксируют характерную для vulgare ситуацию, когда временное значение отложительных глаголов определяется формой причастия, но не глагола связки, а пассив неотложительных глаголов имеет то же временное значение, что и глагол связка.

Перевод перфектных пассивных форм participium conjunctum сходным образом зависит от отложительности латинского глагола. Для неотложительных форм причастий существует запрет на перевод ц.-сл. аористом: Т 2,3 **поиенъ** (iciunus) **прїиде къ тѣлѡ**; Ю 13,4 **олофернъ лежаше въ постели велми въ пїанстве сненъ** (sopitus); Ю 7,12 **тогда къ възїи събрани** (congregati) **еси**; Т 2,10 **оутрѡженъ** (fatigatus) **ѡ гроба градѡщи домѡ**. Этот запрет не распространяется на причастия, образованные от отложительных глаголов. Так же как и формы перфекта, они допускают при переводе свободную вариативность страдательного причастия (1) и аориста/л-формы (2):

- 1) Т 1,21 **гнѣвенъ многїи сби** – iratus multos occideret; Ю 1,12 **тогда разгаренъ навхѡнасоръ црѡ на всѣ земли тѣ** – tunc indignatus Nabochodonasor rex ad omnem terram illam; Ю 5,23 **ннѣ же върращени гоу вѡ своемѡ ѡ расточенїа тже расточени быша** – nuper autem reversi ad dominum deum suum ex dispersione qua dispersi fuerant; Ю 6,1 **разгаренъ олофернъ сѣло рѣ къ ахїорѡ** – indignatus Holofernis vehementer dixit ad Achior; Ю 6,13 **ниже въразѡ тон олофернъ разгнѣванъ повѣлѣлъ** – quemadmodum ipse Holofernis iratus iusserit; Т 8,16 **върращена повѣстѡва блгѡ повѣстѣ** – reversa nuntiavit bonum nuntium; Т 8,13 **върращенъ рагѡелъ къ женѣ своен рече** – reversus ad uxorem suam Raguhel dixit;
- 2) Т 5,10 **ѡ тѡ дивисѡ ѡцѣ молилъ да внидѣ к немѡ** – super quae admiratus pater rogat ut introiret ad eum; Т 8,2 **въспоманѡ во товїа словеса аггѡла** – recordatus itaque Tobias sermonem angeli; Т 5,5 **тогда изыде товїа върѣте юношѡ** – tunc egressus Tobias invenit iuvenem; Ю 14,12 **изошли мьши** – egressi mures; Ю 14,13 **тогда вшелъ вагаѡ ложницы** – tunc ingressus Bagoa cubiculum; Ю 14,15 **нишелъ в жилище їудитино** – ingressus tabernaculum Judith; Ю 13,29 **видѡщї ахїоръ главѡ олоферновѡ сжасеса ѡ страха паде** – videns autem Achior caput Holofernis angustiatus prae pavore cecidit; Т 5,10 **тогда вниде товїа сказа всѣ сїа** – tunc ingressus Tobias indicavit universa haec.

Гиперкорректные с т.з. ц.-сл. грамматики формы аориста со связкой суть еще одно следствие трактовки аналитических форм пассивного перфекта под углом

зрения их функционирования в вольгаре. Аорист, будучи у Вениамина равнозначным вариантом л-формы, появляется в сочетании со связкой у тех же отрицательных глаголов, перифразы от которых в вольгаре имели значение прошедшего времени: П I 19,15 **внидоша сѣть градѣ** – *ingressi sunt civitatem*; П II 31,1 **вбратиша же сѣть** – *reversique sunt*; П II 32,20 **възопиша сѣть** – *vociferati sunt*; М I 10,26 **радовахомса есны** – *gavisus sumus*.

Заключение

Итак, противоречия и ошибки в ц.-сл. переводе латинских грамматических форм утрачивают свой статус ошибок *ad absurdum* и обретают веские основания в грамматической системе *volgare*, поскольку список “общих мест” грамматики соотносится переводчиком ГБ преимущественно с нею, а не с латынью Вульгаты.

Литературный итальянский язык XV в. не представлял собой единого целого: языковое объединение Италии в этот период замедлилось, и культурно обособленные области были представлены своими вариантами *volgare*, отмеченными явными диалектными чертами. Отсутствие общего центра и сильная языковая дифференциация (Пизани 1973) определяли такое сосуществование вариантов литературного языка, когда “все существующие разновидности *volgare* ... оказывались в равном положении, ибо для него еще не существовало грамматики” (Шпшмарев 1972: 108). Кодификация итальянского на основе тосканских диалектов была осуществлена несколько позднее, в начале XVI в., с появлением “Грамматических правил” Франческо Фортуньо и “Проз” Пьетро Бембо, тогда как на XV в. еще приходился переходный период “анархии” в истории литературного языка (Segre 1963: 236).

Такая ситуация определяет, во-первых, ориентацию переводчика не на нормативную грамматику, а на некоторый “вульгарный” узус (допускающий вариативность и непоследовательность) и, во-вторых, возможность выбора в качестве образца периферийного, диалектного варианта *volgare*. Представленная в ГБ модель ц.-сл. грамматики в масштабе *volgare*, содержащая существенно иную, в сравнении с ц.-сл. узусом, парадигму именных и глагольных форм, подтверждает оба эти положения.

Актуализация присутствия вольгаре в лингвистическом пространстве перевода ГБ связана с его новым статусом в рамках европейского *Questione della lingua*: противопоставленный латыни в XIII-XIV вв. по принципу “*scribere (dicere) vulgariter et litteraliter*”, к XVI в. вольгаре имеет достаточные основания сравниться с нею по своему достоинству и превратиться в *lingua italiana*, обладающий всеми атрибутами национального литературного языка. Именно поэтому в приписке к рукописи Пог. № 84 после латыни и греческого упоминается именно “фряжский” язык, а не родной для “словенина” Вениамина хорватский или чешский язык.

Естественно, что значимость вольгаре для переводчика подкрепляет версию о его южнославянском – хорватском происхождении. Проблема отношений *lingua latina* и *lingua volgare* для значительной части хорватских земель в XV в. была не столько привнесенной итальянской моделью решения вопроса о достоинстве языков, сколько составной частью собственной языковой ситуации трилингвизма (латынь-вольгаре-хорватский). С точки зрения своего функционального статуса вольгаре являлся абсолютно тождественным хорватскому: для ренессансных теоретиков хорватского языка это отождествление распространялось и на перспективу исторического развития обоих языков, вплоть до поисков хорватских диалектных эквивалентов *lingua toscana* или *lingua italiana*. Естественно, что вольгаре как первый из вульгарных языков, обретший статус культурного, мог претендовать на роль эталона не только для хорватского, но и для всех остальных новых литературных языков славяно-латинского ареала. В случае с переводом ГБ эта актуальная для Вениамина ситуация была спроецирована и на ц.-сл. язык.

Вопрос о непосредственном воплощении “вульгарного” образца для переводчика ГБ остается открытым, поскольку в его качестве мог выступать как отражающий романские языковые формы латинский текст, так и филологическая компетенция Вениамина, усвоенные им отношения новых романских языков с латынью. Оба варианта, впрочем, не исключают друг друга, как не исключено и параллельное использование при переводе латинского и итальянского текстов²¹.

Очевидно, что работа над текстом ГБ строилась поэтапно. Внесение в текст толковых и энциклопедических глосс, а также перевод оглавления и статей в предисловии осуществлялись, по-видимому, на заключительном этапе работы. Вероятно, на этом этапе основной вклад внесли русские сотрудники Геннадия, активно использовавшие имевшиеся в их распоряжении немецкие издания (в 1498-1500 гг. Влас Игнатов и Дмитрий Герасимов переводили надписания псалмов из немецкой Псалтыри). При такой организации работы, когда текст библейского кодекса переходил из рук в руки, вполне вероятно наличие у книжников более чем одного экземпляра оригинального латинского текста; более того, рабочим экземпляром для перевода основного текста библейских книг мог быть не тот же самый латинский текст, который привлекался позже для работы с комментариями, глоссами

²¹ Перевод Вениамина можно рассматривать как текстологическую кодификацию церковнославянского, своеобразие которой связано не с формальным уподоблением языка перевода латыни, но с осознанным выбором в качестве образца динамической модели отношений латыни и вольгаре. Эти отношения предполагали в конце XV века довольно четкое их противопоставление с точки зрения грамматики и нейтрализацию такого противопоставления на лексическом уровне. Вследствие этого этимологический и грамматический перевод в ГБ ориентированы на разные исходные системы: если для перевода лексики определяющей является этимология латыни (Платонова 1997а: 77-99), то для грамматики гораздо более актуальной является аналогия с “вульгарным” (итальянским) узусом.

и отсылаками. Учитывая это, можно несколько скорректировать предположение И.Е. Евсева о том, что Вениамин появился в Новгороде со своим текстом – однако не церковнославянским, а латинским. Не исключено, что поиски оригинала переведенных с латыни библейских книг ГВ следует вести с привлечением не только немецких, но и итальянских изданий, среди которых с 1471 г. по 1490-е гг. абсолютное большинство составляют венецианские (*Gesamtkatalog* 1930). Там же, в Венеции, в 1471 г. впервые был напечатан и итальянский перевод Библии, выполненный Николаем Малерми с Вульгаты, который до 1490 г. выдержал еще пять изданий.

Библиография

- Алексеев 1999: А.А. Алексеев, *Текстология славянской библии*, Санкт-Петербург 1999.
- Алисова 1987: Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева, *Введение в романскую филологию*. Москва 1987.
- Бурсье 1952: Э. Бурсье, *Основы романского языкознания*. Москва 1952.
- Вернер 2001: И.В. Вернер, *Вольгафе (“фряжский”) и церковнославянский: о принципах порождения языка перевода Геннадиевской Библии*, в: *Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. Сборник материалов международной конференции*, Москва 2001, с. 66-74.
- Востоков 1842: А.Х. Востоков, *Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея*, Санкт-Петербург 1842.
- Горский, Невоструев 1855: А.В. Горский, К.И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, I*, Москва 1855.
- Гурычева 1959: М.С. Гурычева, *Народная латынь*, Москва 1959.
- Даничић 1874: Ђ. Даничић, *Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека*, Београд 1874.
- Добиащ-Рождественская 1988: О.А. Добиащ-Рождественская, *История письма в средние века*, Москва 1987.
- Евсеев 1911: И.Е. Евсеев, *Рукописное предание славянской Библии*, Санкт-Петербург 1911.
- Евсеев 1914: И.Е. Евсеев, *Геннадиевская Библия 1499 г.*, Санкт-Петербург 1914.
- Казакова, Лурье 1955: Н.А. Казакова, Я.С. Лурье, *Антифеодалные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в.*, Москва-Ленинград 1955.

- Копреева 1982: Т.Н. Копреева, *Западные источники в работе новгородских книжников конца XV-начала XVI века*, в: Федоровские чтения 1979, Москва 1982, с. 138-152.
- Михайлов 1904: А.В. Михайлов, *К вопросу о литературном наследии Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях*, Варшава 1904.
- Пизани 1973: В. Пизани, *Итальянские диалекты в историческом аспекте*, "Вопросы языкознания", 1973, 6, с. 3-8.
- Платонова 1997а: И.В. Платонова, *Перевод в риторическом типе культуры: переводческая техника в Геннадиевской библии 1499 г.*, Дисс. ... канд. филол. наук, Москва 1997.
- Платонова 1997б: И.В. Платонова, *О переводческой технике в Геннадиевской Библии 1499 года*, "Славяноведение", 1997, 2, с. 60-74.
- Попов 1869: А. Попов, *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции*, Москва 1869.
- Ромодановская 1999: В.А. Ромодановская, *Геннадиевская библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV-XVII вв. (латинские источники)*, Дисс. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 1999.
- Ромодановская 2001: В.А. Ромодановская, *Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.)*, "Труды Отдела Древнерусской Литературы", LI, 2001, с. 138-167.
- Ромодановская 2003: В.А. Ромодановская, *Сочинения Лактанция в переводе русских книжников рубежа XV-XVI вв.*, "Труды Отдела Древнерусской Литературы", LIV, 2003, с. 407-434.
- Ромодановская 2004: В.А. Ромодановская, *Заметки о переводе "латинских" книг Геннадиевской библии 1499.: библейский текст и энциклопедические глоссы*, "Труды Отдела Древнерусской Литературы", LVI, 2004, с. 235-250.
- Ромодановская 2008: В.А. Ромодановская, *Геннадиевская библия 1499 г. и Супрасльский сборник Матфея Десятого: маргиналии как источник для определения латинского оригинала*, в: *Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской*, Новосибирск 2008, с. 194-210.
- Седельников 1926: А.Д. Седельников, *К изучению "Слова кратка" и деятельности доминиканца Вениамина*, "Известия Отделения Русского Языка и Словесности", XXX, 1926, с. 205-225.
- Сергиевский 1954: М.В. Сергиевский, *Введение в романское языкознание*, Москва 1954.
- Соболевский 1903: А.И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV-XVIII вв.*, Санкт-Петербург 1903.

- Турплов 2005: А.А. Турплов, *Вениамин*, в: *Православная энциклопедия*, VII, Москва 2005, с. 627-629.
- Успенский 2002: Б.А. Успенский, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, Москва 2002.
- Шишмарев 1972: В.Ф. Шишмарев, *Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка*, II, Москва 1972.
- Ягич 1896: И.В. Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*, Санкт-Петербург 1896.
- Vakmaz, Nazor, Tandarić 1991: I. Vakmaz, A. Nazor, J. Tandarić, *Brevijar po zakonu Rimskog dvora 1491*, Zagreb 1991.
- Foster 1995: P.M. Foster, *The Church Slavonic Translation of Maccabees in the Gennadij Bible (1499)*, submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences, Columbia University 1995.
- Freidhof 1972: G. Freidhof, *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580-1581): Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer*, Frankfurt am Main 1972.
- Freidhof 1984: G. Freidhof, *Problems of glossality in newly translated parts of the Gennadius and Ostrog Bibels of 1499 and 1580-1581*, "California Slavic Studies", XII, 1984, с. 341-364.
- Gesamtkatalog 1930: *Gesamtkatalog der Wiegendrucke herausgegeben von der Kommission für den Gesamtkatalog der Wiegendrucke*, IV, Leipzig 1930.
- Hall 1942: R. Hall, *The Italian questione della lingua*, Cambridge 1942.
- Pantelić, Nazor 1977: M. Pantelić, A. Nazor, *Novljanski brevijar*, Zagreb 1977.
- Paoli 1892: C. Paoli, *Die Abkuerzungen in der lateinischen Schrift des Mittelalters*, Innsbruck 1892.
- Reichling 1893: D. Reichling (под ред.), *Das Doctrinale des Alexander de Villa-Dei. Kritisch-exegetische Ausgabe mit Einleitung, Verzeichniss der Handschriften und Drucke nebst Registern*, Berlin 1893 (= Monumenta Germaniae paedagogica. Schulordnungen, Schulbücher und Pädagogische Miscellaneen aus den Landen deutscher Zunge, 12).
- Segre 1963: C. Segre, *Lingua, stile e società*, Milano 1963.
- Servii Honorati de finalibus 1864: *Servii Honorati de finalibus*, в: *Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii*, IV, Leipzig 1868, с. 449-455.

- Thomson 1988: F. Thomson, *Towards a typology of errors in slavonic translations* “Orientalia Christiana Analecta”, XXIII, 1988, c. 351-380.
- Tomelleri 2002: V.S. Tomelleri (под ред.), *Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik*, Köln 2002.
- Večerka 1957: R. Večerka, *Ke konkurenci adnominálného genitivu a dativu v staroslověňštině* “Sborník prací filosofické fakulty brněnské University. Řada jazykovědná”, VI, 1957, c. 25-38.
- Wimmer 1975: E. Wimmer, *Zu den katolischen Quellen der Gennadij-Bibel*, в: *Forschung und Lehre. Abschiedsschrift zu Job. Schropfers Emeritierung und Festgruß zu seinem 65. Geburtstag*, Hamburg 1975, c. 444-458.

Abstract

Inna Verner

The linguistic peculiarities of the translation of “Latin” books in the 1499 Gennadij Bible

The purpose of this article is to reconstruct and interpret the principles of translation in the 1499 Gennadij Bible. This reconstruction speaks for the high linguistic quality of this translation, the work of the Dominican monk Veniamin. His translation can be considered an original textual codification of Church Slavonic. However, Veniamin’s codification conflicted with the use of contemporary Church Slavonic texts. Some non-standard grammatical forms in the Gennadij Bible are the result of translation from Latin according to homonymous principles. Most of the incorrect forms depend not so much on Latin, as on the impact of the Italian lingua vernacula (“vol’gare” or “frjazhskij”, known to Veniamin). Grammatical forms were mainly translated in the Gennadij Bible through analogy with *volgare*. Finally, the author speculates on the possibility of not a German, but an Italian edition of the Vulgate having been used for the Gennadij Bible translation.